

Н. Н. Летина, А. В. Еремин, В. А. Шапошников

**Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции
(по материалам социокультурного исследования)**

Выполнено по гранту РГНФ 14–03–18002

В статье раскрываются ключевые позиции методологического обоснования и частичные результаты контент-анализа и количественного анализа материалов социокультурного исследования, посвященного изучению интеллектуальных и ментальных, в том числе – мировоззренческих, – продуктов самосознания жителя современной российской провинции в отношении собственных приоритетов и перспектив. Опрос был проведен в период с 10.02.2014 по 10.04.2014 г. и задействовал 200 респондентов – жителей как Ярославской области (города Ярославль и Углич), так и других регионов России (города Воронеж, Екатеринбург, Ульяновск, Челябинск). В статье представлено теоретико-методологическое обоснование опроса, демонстрирующее инновационные достижения в разработке культурологически детерминированного исследовательского инструментария, позволяющего без применения специальных информационных технологий изучить общие и конкретные проблемы бытия современного жителя репрезентативных локусов российской провинции в его социальных и индивидуальных проявлениях. В статье приведены репрезентативные инновационные результаты опроса, обобщающие анализ ответов по первым восьми вопросам анкеты, которые являются интеллектуальным продуктом, характеризующим личностные и коллективные интенции человека в современной России, рассматриваемого в специфической и универсальной (в силу геополитических и ментальных особенностей жизни в стране) модальностях. На их основании выявлен ряд тенденций, характеризующих опрошенных жителей провинции в коммуникативном, социокультурном, социопсихологическом, духовно-нравственном планах.

Ключевые слова: Россия, современная провинция, житель провинции/провинциал, приоритеты и перспективы человека, самосознание, социокультурный опрос, методология, репрезентативные результаты.

N. N. Liotina, A. V. Eriomin, V. A. Shaposhnikov

**Priorities and Prospects of the Person in the Modern Russian Province
(on materials of the sociocultural research)**

In the article key positions of the methodological justification and partial results of the content analysis and the quantitative analysis of materials of the sociocultural research devoted to study intellectual and mental products –including world outlook – of consciousness of the inhabitant of the modern Russian province concerning own priorities and prospects are revealed. The survey was made during the period from 10.02.2014 till 10.04.2014 and 200 respondents were involved – inhabitants of the Yaroslavl region (the City of Yaroslavl and Uglich), and other regions of Russia (the City of Voronezh, Yekaterinburg, Ulyanovsk, Chelyabinsk). The theoretic-methodological justification of the poll showing innovative achievements in development of the culturological determined research tools allowing to study without use of special information technologies the common and specific problems of life of the modern inhabitant of representative loci of the Russian province in its social and individual manifestations is presented in the article. The representative innovative results of the poll generalizing the analysis of answers on the first eight questions of the questionnaire which are the intellectual product characterizing personal and collective intensions of the person in modern Russia which is considered in specific and universal (owing to geopolitical and mental features of life in the country) modalities are given in article. On their basis a number of the tendencies characterizing the interrogated inhabitants of the province in communicative, sociocultural, sociopsychological, spiritual and moral plans is revealed.

Keywords: Russia, modern province, an inhabitant of the province/provincial, priorities and prospects of the person, consciousness, a sociocultural poll, methodology, representative results.

В рамках работ по проекту РГНФ 14–03–18002 в период с 10.02.2014 по 10.04.2014 г. был произведен социокультурный опрос среди 200 жителей российской провинции. Его *целью* являлось выявление и обобщение личностных и коллективных интенций самосознания в отношении собственных приоритетов и перспектив жителей репрезентативных геополитически-ментальных локусов провинциальной России. В качестве репрезентативной генеральной *выборки* была определена совокупность закрепленных в провинциальной геолокации России жителей. В качестве ее компонентов – жители Ярославской области и жители других регионов России.

При разработке анкет учитывались задачи *перво-го этапа проекта и его общая цель* [2]. Существенным для коллектива участников было представление о том, что анкетирование в целях получения обобщенной информации о личности жителя провинции направлено преимущественно на выявление личностных параметров современной социокультурной ситуации в отношении бытия личности в провинции: ценностных иерархий, факторов влияния, понимания и отрефлексированности явлений и процессов. В ходе изучения полученных эмпирических данных предполагалось интегрировать их в алгоритм общего социокультурного исследования на основе специального внимания к самосознанию и самоописанию жителей современной россий-

ской провинции в плане их представлений о жизненных, прежде всего социокультурных, приоритетах и перспективах.

При составлении анкет учитывались *особенности индивидуального сознания*. Проведение анкетирования в реальном и виртуальном вариантах позволило предложить респондентам общение в привычном для них культурном и коммуникативном поле, обеспечив определенный психологический комфорт и стимулировав искренность ответов. Эта же цель преследовалась и при обеспечении анонимности анкетирования.

Специфика провинциального сознания, «комплекса провинциальности» [4] учитывалась при составлении вопросов в их корректном лексическом и фразеологическом наполнении. «Провинциальный» фактор являлся определяющим при верификации выборки.

Специфика массового сознания учитывалась при составлении вопросов в их содержательном плане. Так, было определено предельное количество вопросов – не более 18 содержательных, при размещении 4 вопросов, направленных на получение общих сведений о респондентах, в преамбуле (всего 22). При составлении анкет учитывалась и необходимость достижения психологического комфорта респондентов, для чего целенаправленно создавалось ощущение понятности и необременительности анкетирования. В целях максимального приближения к привычкам массовой аудитории был предложен и метод виртуального заполнения и предоставления анкеты.

Корпус вопросов включает в себя вопросы *информационного* (2.1, 2.3, 2.4, 2.5, 2.10, 2.11, 2.12), *алгоритмического* (2.2, 2.9, 2.12, 2.17), *эвристического* (2.8, 2.15, 2.18) и *интегративного* (2.12 – информационно-алгоритмический, 2.5 – информационно-эвристический, 2.6, 2.7, 2.13, 2.14 – алгоритмическо-эвристический) планов; *закрытого* (9) и *открытого* (3), *дихотомного* (6) типов. Ряд вопросов (2.3, 2.6, 2.8) представляет собой коррелятивную формулировку по отношению к вопросам, включенным в материалы опроса и интервью, ранее проведенных участниками проекта в ходе работы над темой «Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв.» государственного контракта от 20.07.09 г. № 02.740.11.0364 с целью сопоставления результатов и максимальной репрезентативности выводов [5].

Композиция вопросов предполагала размещение наиболее простых для восприятия и ответа в начале (создание иллюзии простоты), потенциально максимально интересных для респондентов в конце (оживление внимания), наиболее значимые и сложные были размещены композиционно ближе к центру по принципу чередования с менее сложными.

В исследовании было задействовано **200 анкет**, полученных непосредственно от респондентов (в том числе через интернет) и через коллег, которые распространяли и собрали анкеты по месту своего жительства и работы¹.

Респонденты были разделены на следующие **группы**: жители Ярославской области (города Ярославль и Углич) – 80, жители городов других регионов России

(Воронеж, Екатеринбург, Ульяновск, Челябинск) – 100, пользователи интернета – 20. Обозначим, что в большинстве анкет ответы даны не на все вопросы, отсюда – специфические нюансы подсчетов, которые показали количественный анализ.

По итогам количественного анализа получены следующие **данные о респондентах**.

Основной *возрастной состав* респондентов (за исключением школьников 10 класса – участников телевизионного интеллект-шоу «Умники и умницы Ярославии», февраль 2014 г., Ярославль, телеканал «1 ярославский») – совершеннолетние. Всего опрошено в возрасте до 25 лет – 64 % респондентов, свыше 25 лет – 35,5 %; в одной из анкет возраст не указан.

Гендерный дисплей респондентов составляют 77 % женщин, 22,5 % мужчин; 1 респондент, «пошутив», в качестве гендерной идентичности обозначил «средний пол».

Родом своих занятий 65 % из 200 опрошенных указали учебу (большинство местом учебы назвало вуз, в том числе аспирантуру), 50,5 % – работу. Данные показатели включают в обоих случаях 15 % от общей выборки респондентов, совмещающих учебу и работу.

Местам своего рождения абсолютное большинство респондентов (95 %) указало провинцию. Среди оставшихся 5 % были названы населенные пункты, формально не соответствующие статусу столицы, в связи с чем следует отметить сделанные респондентами комментарии: Челябинск (столица Южного Урала), Екатеринбург (столица Урала), Свердловск (столица Урала).

При количественном анализе результатов содержательной части опроса обнаружилось специфическое обстоятельство. Количественные показатели не по всем вопросам носят абсолютный характер, суммирование дает результаты, превышающие 100 %, поскольку респонденты, вопреки привычным нормам, выбирали не по одному варианту ответа на большинство вопросов. Отсюда следует ценный в социокультурном и социопсихологическом отношении результат, позволяющий установить *тенденции*, среди которых одной из важнейших является *многообразие вариантов, неоднородность подходов, а в итоге – ситуация диалога с исследователями, на который респонденты вышли без специальных призывов с нашей стороны*.

Предпочтения респондентов в выборе информационных ресурсов (2.1) следующие: 83 % (совместив в ответах инновационные и традиционные ресурсы) используют инновационные ресурсы (75,5 % – интернет, в т. ч. library.ru., мк. рф., википедия, социальные сети, поисковики, базы данных по диссертационным исследованиям, wgc.com, crash.net, ulpressa.ru, echo.msk.ru, lenta.ru, сайты с художественной и научной литературой, mail.ru., 74.ru., the village, imenno.ru, дождь, электронная почта); 73,5 % используют традиционные ресурсы (печатные СМИ – 37 %, друзей – 30,5 %, библиотеки – 29 %, книжные магазины – 24 %, знакомых – 13,5 %, соседей – 1,5 %, телевидение – 0,5 %). Как следует из приведенных количественных данных, *более половины респондентов отметили, что используют оба предложенных типа информационных ресурсов*.

В распределении *иерархии ценностей (2.2.)* респонденты отдали предпочтение традиционным ценностям: здоровью (51 % ответов) и семейному благополучию (33 % ответов), а также образованию (27 % ответов). Показательно, что близкие, но не входящие в тройку лидеров позиции заняли материальный достаток (23 % ответов) – и это в эпоху отчетливой прагматизации личностных интенций, как считают многие исследователи и наблюдатели, – и творческая самореализация (21 %), которая, казалось бы, является традиционно значимой для провинциалов-интеллектуалов. Данное распределение аксиологически детерминированных приоритетов позволяет сделать вывод о том, что участники опроса отдают *приоритет фундаментальным, основополагающим ценностям*, привычно воспринимаемым в качестве значимых, уделяют меньше внимания преходящим и возобновляемым, как им представляется, аспектам.

Следует отметить, что 8 % опрошенных приводят свои варианты ценностей. В их числе – как сформулированные инфантильно («имение домашнего питомца»), так и вполне четко и грамотно, однако без осознания близости предложенным понятиям: власть и работа (по смыслу коррелируют с карьерой), самообразование (понятие, близкое предложенному варианту «творческая самореализация»), а также общепринятые, но показательные варианты – дружба, совершенствование мира, безопасность жизнедеятельности, человечность, моральное удовлетворение от работы и жизни в целом, свобода, любовь, личностный рост, спокойствие, внутренняя гармония. Данные варианты, в основном, не отличаются по смыслу от предложенных в анкете, лишь конкретизируя некоторые из них. Таким образом наблюдается определенная оппозиция респондентов в отношении монологического дискурса предлагаемых вариантов, стремление к свободной самопрезентации и равноправному диалогу. При этом реализация свободы парадоксально осуществляется в границах заданных смысловых векторов. Данные обстоятельства характеризуют тип сознания респондентов как *амбициозный и несколько инфантильный в своей оппозиционной и чрезмерной гиперреактивности*, что можно связать как с социопсихологическими особенностями молодежи [1], так и с проявлением провинциальности.

Среди предложенных на выбор *типов состояний, характерных в моменты пребывания в столице (2.3.)*, у большинства респондентов наиболее часто встречающимся оказалось *удовольствие* (39 %). На втором месте в списке – *возбуждение* (28 %), что также отражает положительные коннотации временного столичного модуса провинциалов.

Почти 70 % жителей провинции, положительно воспринимающие мир вокруг себя и себя в мире в момент пребывания в столице, – воплощение не только *восторга неофитов* (каковые, особенно среди молодежи, встречаются), но и *метафизической ценности выхода за пределы профанной «периферии» и пребывания в сакральном «центре»* [3]. При этом негативные факторы, как бытовые, так и психологические, тем более – социокультурные, не учитываются.

Важной особенностью ответов на данный вопрос является то, что более 25 % опрошенных, помимо того, что обозначили отношение к нашим вариантам, предложили свои варианты ответов, среди которых: не был(а) в столице – 4 %, ничего необычного – 2,5 %, усталость – 1,5 %, желание скорее уехать – 1 %, интерес – 1 %. Следует с одобрением отметить: желание респондентов проявить активность, внести собственные нюансы в ответы свидетельствует о том, что вопросы вызывают у них отклик. В большинстве случаев *варианты ответа, выбранные из предложенных, имеют скорее позитивный оттенок, тогда как данные самостоятельно примерно в равной степени имеют положительную и отрицательную окраску.*

Вопрос о симпатии/одобрении наших современников в различных сферах деятельности (2.4) был решен респондентами следующим образом. Среди *представителей региональной власти* респондентами были названы как действующие представители руководства регионов и городов (Р. Минниханов, Е. Ройзман (6 упоминаний), так и оставившие свои должности (в Ярославле – А. Лисицин (3 упоминания) и В. Воланчунас (2 упоминания), в Татарстане – М. Шаймиев). В ряде анкет даны неконкретные ответы («губернатор»), есть и шутки («бабушка», 2 упоминания), и ошибки (Патриарх Кирилл). Среди *публичных политиков общероссийского ранга* респондентами указаны как действующие – перечень вполне отражает состав известных рейтингов, в которых присутствуют не только Президент, но и наиболее известные и влиятельные, с точки зрения многих жителей России, министры и политики (В. Путин (17 упоминаний), В. Жириновский (11), Д. Медведев (5), С. Шойгу (5), С. Лавров (4) и др.), так и ушедшие из жизни (Г. Старовойтова, Е. Гайдар). Из *ученых (современных и недавнего прошлого)* респондентами названы как популярные, чье упоминание предсказуемо (А. Сахаров (11 упоминаний), С. Капица (7), Ж. Алферов (7), Д. Лихачев (7), С. Хокинг (6), С. Королев (5), С. Джобс (4), Л. Ландау (4), так и известные преимущественно в научном и образовательном сообществе, чье упоминание свидетельствует об интересе и знании актуальных интеллектуальных процессов (Т. Злотникова (5 упоминаний), Ю. Лотман (3), Г. Зборовский (3), Г. Перельман (2), М. Калашников (2). Среди *представителей своей профессии* большинство респондентов указало людей, мало известных широкой публике. Однако в некоторых областях были названы репрезентативные в российском масштабе персоны: З. Церетели (в среде архитекторов), И. Антонова и М. Пиотровский (в среде занятых музейным делом), В. Зайцев (среди модельеров). В одной анкете респондент честно признается: «не знаю известных логистов». Среди названных *людей искусства* встречаются как представители традиционно ценных в России литературы, кино и театра (Ч. Хаматова (8), С. Безруков (4), В. Гергиев (3), М. Захаров (3), А. Кузин (2), С. Спилберг (2), так и представители ультрасовременных или узкоспециальных сфер массовой и альтернативной культуры (Iggy Pop (2 упоминания), однократные упоминания – Deadmau5, Т. Радя и

др.). В пункте о *представителях СМИ* респонденты, в основном, указали известных телеведущих и журналистов федеральных телеканалов или радиостанций, среди которых А. Гордон (8 упоминаний), Л. Парфенов (7), А. Венедиктов (5), Д. Губерниев (5), В. Соловьев (5), И. Ургант (5).

Анализ полученных результатов по данному вопросу позволил установить ряд негативных тенденций.

Первая связана с констатацией *небрежности* как коммуникативной доминанты человека массовой культуры, во-первых, жителя провинции, во-вторых. Она проявляется неразборчивостью почерка, орфографическими ошибками, написанием фамилий без инициалов, отсутствием пояснений при выборе специфически известной личности, случайным или осуществленным на основании обращения к интернет-ресурсам отбором персон, фактическими ошибками (упоминание М. Ломоносова, И. Павлова, З. Фрейда, А. Эйнштейна и др.). Показательно, что ответы о представителях власти и восприятие их – людей, от которых зависит жизнь респондентов, – носит более конкретный и ответственный характер.

Вторая негативная тенденция связана с верификацией отчетливого *негативистского настроения опрошенных*. У 17 % респондентов никто не вызывает одобрения. Важно, что в ответах не просто отсутствуют имена, но даны мотивировки: «человеческий род обмельчал»; «разочарование во всем, кроме веры православной»; «современники всегда мало радуют»; «у меня нет кумиров»; «я мизантроп»; «не интересуюсь данными областями»; «нет ярких личностей»; «трудно оценивать значимость современников». Подобная мотивация двойственна, в ней проявляется как комплекс неполноценности провинциалов, опасующихся судить о мировых процессах; так и глубокое разочарование людей в современной жизни и нежелание активно в ней участвовать.

Анализ ответов на вопрос о *востребованности права на свободу совести и вероисповедания (2.5)*, гарантированного ст. 28 Конституции РФ, показал, что 76,5 % респондентов сочли данное право востребованным, 21 % респондентов – невостребованным. Однако характер комментариев последних (упоминание, с одной стороны, своей причастности к радикальным исламистам, с другой стороны, отсутствия межконфессиональной напряженности) показывает, что у этой части реципиентов данное право на самом деле востребовано. Полагаем, что большинство опрошенных не отдают себе отчета в наличии социокультурных связей и зависимостей, считая, что современная жизнь устроена комфортно; поэтому респонденты не испытывают радости или благодарности за то, что определенные права и свободы все же существуют.

При ответе на вопрос о *традиционных признаках русской интеллигенции, воплощенных в современных жителях русской провинции (2.6)*, из предложенных вариантов респонденты сочли наиболее значимыми *открытость* (40 %), *привычку сомневаться в своем праве на внимание или материальную поддержку и патриархальность* (две позиции получили одинаковое

количество ответов – по 17,5 %). Следовательно, самоощущение жителей провинции, независимо от факта проживания в городах-миллионниках (Екатеринбург, Воронеж, Челябинск) или «средних» (Ярославль), генетически связано с традиционными душевным обликом русского провинциала как человека скромного, доброжелательного, непритязательного. При этом высокие запросы, высокий уровень самооценки, готовность к «завоеванию мира» по-прежнему не рассматриваются жителями провинции как достоинства или реально присущие им свойства. Не просто негативные, но обидные, с точки зрения массового сознания, качества – социально-экономическая маргинальность и признаки меланхолического либо флегматического темперамента (по 6 %) и высокомерие в сочетании с непризнанностью (4 %) закономерно оказались в конце списка. К сожалению, в результате анализа ответов на данный вопрос приходится констатировать характерную для жителей российской провинции *недостаточно энергичную, а подчас и откровенно ущемленную в социокультурном плане позицию*.

При ответе на вопрос о *трактовке термина «глобализация» (2.7)* из предложенных вариантов 60 % респондентов выбрало «расширение культурного пространства жизни современного человека», по-видимому, считая его *позитивным*. Сторонников двух других предложенных вариантов, носящих скорее *негативный характер* («нивелирование специфики национальных культур» и «экспансия одной культуры») в два раза меньше. Также следует отметить, что ряд опрошенных (8,5 %) предложили свои варианты; среди них были как позитивные (усиление взаимосвязи при сохранении инаковости и равноценности всех культур, возможность приобщения к культурам всего мира, взаимная диффузия культур при сохранении самоидентичности, процесс сближения наций и др.), так и негативные (поглощение одной искусственно созданной культурой остальных, насаждение гомосексуализма, стирание традиций, распространение культур, не свойственных для этого этноса, и др.). Наличие собственных вариантов свидетельствует о вовлеченности респондентов в проблематику, а также о том, что данная тема вызывает интерес.

Краткое резюме

Приведенное обоснование подготовленного и проведенного социокультурного опроса демонстрирует *инновационные достижения в разработке культурологически детерминированного исследовательского инструментария, позволяющего без применения специальных информационных технологий изучить общие и конкретные проблемы бытия современного жителя репрезентативных локусов российской провинции в его социальных и индивидуальных проявлениях*. Особенности применения социокультурного опроса определены возможностями коллективной культуросообразной коммуникации, учитывающей закономерности функционирования массового сознания.

Произведенный анализ результатов опроса в отношении характеристик респондентов и первых 7 вопро-

сов позволил обнаружить ряд тенденций, характеризующий коммуникацию и особенности самопрезентации 200 опрошенных жителей провинции. Среди них наиболее значимыми являются:

– в коммуникативном плане – вариативность, неоднозначность подходов, ситуация диалога и отчасти оппозиции, амбивалентность реакций, проявившиеся, в частности, в стремлении конкретизирующей и уточняющей самопрезентации, но в рамках предложенного смыслового поля;

– в социокультурном плане – неоднородность и многослойность;

– в социально-психологическом плане – выразительное сочетание массового сознания, «провинциального сознания» и индивидуального сознания с доминированием в ряде ситуаций проявлений массового (наиболее показательны в данном отношении ответы на вопрос 2.4);

– в духовно-нравственном плане – проявление «комплекса провинциальности» в таких его составляющих, как инфантилизм, традиционализм, сочетание скромности и амбициозности, равнодушия и чрезмерной экспрессивности, пиетета перед столицей.

Продолжение обобщения материалов анкетирования и опросов будет представлено в следующем номере «Ярославского педагогического вестника».

Библиографический список

1. Гидденс, Э. Социология [Текст] / Э. Гидденс. – М.: УРСС, 1999. – 704 с.
2. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Новиков, М. В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 218–223.
3. Кассирер, Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции [Текст] / Э. Кассирер ; репринтное изд. – СПб.: Алетейя, 1912 – 166 с.
4. Летина, Н. Н. Ойкумена русской провинциальной культуры [Текст] / Н. Н. Летина // Вопросы культурологии. – 2009. – № 2. – С. 21.
5. Мир русской провинции и провинциальная культура [Текст]. – СПб., 1997. – 140 с.
6. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. – Ярославль, 2013.
7. Густякова Д. Ю., Шахова Е. А. Модель культуры русской провинции: социокультурное исследование в имперсональном и персональном дискурсах [Текст] Д. Ю. Густякова, Е. А. Шахова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – Т. 1. – С. 225–229.
8. Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография [Текст] / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. Ярославль, 2013. – 292 с.

Bibliograficheski jspisok

1. Giddens, Je. Sociologija [Tekst] / Je. Giddens. – M.: URSS, 1999. – 704 s.

2. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Novikov, M. V. Chelovek v sovremennoj rossijskoj provincii (konceptija i napravlenija sociokul'turnogo issledovanija) [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, M. V. Novikov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2014. – № 3. – T. 1. – S. 218–223.

3. Kassirer, Je. Poznanie i dejstvitel'nost'. Ponjatije o substancii i ponjatije o funkcii [Tekst] / Je. Kassirer ; reprintnoe izd. – SPb.: Aletejja, 1912 – 166 s.

4. Letina, N. N. Ojkumena ruskoj provincial'noj kul'tury [Tekst] / N. N. Letina // Voprosy kul'turologii. – 2009. – № 2. – S. 21.

5. Mir ruskoj provincii i provincial'naja kul'tura [Tekst]. – SPb., 1997. – 140 s.

6. Model' kul'tury ruskoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologičeskome i globalizacionnom diskursah: kolektivnaja monografija [Tekst] / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj, N. N. Letinoj, M. V. Novikova. – Jaroslavl', 2013.

7. Gustjakova D. Ju., Shahova E. A. Model' kul'tury ruskoj provincii: sociokul'turnoe issledovanie v impersonal'nom i personal'nom diskursah [Tekst] D. Ju. Gustjakova, E. A. Shahova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2013. – № 3. – T. 1. – S. 225–229.

8. Model' kul'tury ruskoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologičeskome i globalizacionnom diskursah: kolektivnaja monografija [Tekst] / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj, N. N. Letinoj, M. V. Novikova. Jaroslavl', 2013. – 292 s.

¹ Отдельно следует назвать коллег и единомышленников, которые прониклись проблематикой нашего социокультурного исследования и способствовали распространению и сбору анкет в регионах и учреждениях, где они работают: г. Углич Ярославской области – кандидат культурологии, советник главы городского поселения Е. А. Резникова, г. Воронеж – доктор культурологии, профессор Воронежского государственного университета Т. А. Дьякова, г. Екатеринбург – ректор Гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор Л. А. Закс, г. Ульяновск – доктор культурологии, заведующая кафедрой Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова А. Ю. Тихонова, г. Челябинск – доктор культурологии, декан факультета декоративно-прикладного творчества Челябинской академии культуры и искусства Н. В. Суленева.